

ЛУЧШАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДРАМА

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

**МЕНТ В ЗАКОНЕ.
КРУЧЕ, ЧЕМ ОРУЖИЕ**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Оформление серии *С. Власова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Nomad_Soul, Roman Stetsyk, LightField Studios / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Колычев, Владимир Григорьевич.
К60 **Мент в законе. Круче, чем оружие / Владимир Колычев.** — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с. — (Колычев. Лучшая криминальная драма).

ISBN 978-5-04-094403-3

За городом обнаружен труп одного из бойцов местной преступной группировки. Следователь готов списать происшествие на обычную бандитскую разборку и закрыть дело, но опер Степан Круча иного мнения. У жертвы хищен пистолет, а значит, чередой убийств может продолжиться. Чутье не подвело Степана: следующей мишенью стал единственный свидетель загородного происшествия, успевший перед смертью сообщить Круче, что в тот день видел жертву вместе с возможным убийцей. Имея на руках приметы преступника, опер сужает круг поиска, но вдруг понимает, что сам становится объектом охоты невидимого киллера...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094403-3

© Колычев В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Январь. Ветер холодный, ледяной — как дыхание Деда Мороза. Снежинкам не холодно, им весело, у них сегодня Крещенский бал — взялись за руки да в хоровод, кружат, хохочут. А ветер перебирает провода на столбах, как пальцы музыканта — гитарные струны. Четыре выюжных аккорда — «за», «мо», «ро», «жу». Метет выюга, а где-то на другом берегу озера ей подвывают волки. Как будто покойника оплакивают.

А покойник есть. На этом берегу.

— Кокошин Алексей Дмитриевич, — раскрыв «корочки» водительских прав, прочитал Круча. И тихонько цокнул языком. Был парень Кокошиным, а стал трупом. Отвезут беднягу в морг, пронумеруют, и с биркой на ноге — на тот свет.

А парень молодой, с пышной кучерявой шевелюрой. Он лежал на снегу, раскинув руки, замороженные глаза смотрели в небо. В груди пулевая рана, кровь там со снегом. Ветер шевелил волосы — то ли снег пытался из них выдуть, то ли распрямить кудри.

Тело уже остыло, начинает коченеть, снег на лице больше не тает. Пляж на Глубоком озере сейчас безлюден, но сторож услышал выстрел, позвонил в милицию, а так замело бы покойника снегом, только весной бы обнаружили и назвали бы «подснежником».

— Шестьдесят седьмого года рождения... Весной двадцать пять было бы... — заметил Степан.

— Сторож где? — Майор Горлов строго глянул на лейтенанта Валерьева из патрульно-постовой службы.

— Так это, греется, — старший экипажа кивнул в сторону ворот, показывая на теплую сторожку.

А Горлов в свою очередь кивнул на патрульный «уазик», стоявший с включенными «мигалками»:

— В «собачнике» мог бы закрыть, там бы и погрелся.

— Так холодно там.

— Везде холодно...

— Да он особо ничего и не видел. Услышал выстрел, выходит, смотрит машина отъезжает...

— Машина... — скривился Горлов, глянув на дорогу, которая вела к пляжу.

Ее недавно чистили — грейдер проходил, но с тех пор снегу намело порядком. И сейчас метет, от следов ничего не осталось. Тут никакой эксперт не поможет.

— То ли «семерка», то ли «пятерка».

— Или «шестерка»... Давай за сторожем! Или ты ждешь, когда тут вообще все заметет?

— Я за сторожем? — спросил Валерьев и бросил выразительный взгляд на Степана: он молодой опер, ему и бегать за свидетелями.

— Давай!

Горлов все понял, но решения своего не отменил. Не было у него такой привычки забирать свои слова обратно. А спорить с ним бесполезно. Мужик он уже немолодой, характер зачерствел со временем, да и совесть слегка усохла. Купить его невозможно, но человеку нагрубить для него — как с «добрым утром». Так что все правильно понял Валерьев, легче приказ выполнить, чем с Горловым бодаться.

Он ушел, а майор повернул голову к озеру. Лед там везде, снег, если бы не камыши, трудно было бы понять, где заканчивается суша.

— Вот и спрашивается, что он здесь забыл?

— Они, — уточнил Степан.

— Может, с бабой приезжал? — пожал плечами Горлов.

— В машине погреться? — усмехнулся Степан.

От Битова до базы всего ничего. Если бы не метель, сейчас можно было бы увидеть коробки высотных домов.

— А почему бы и нет, если печка работает.

— А ты чего стоишь? Покрывало давай тащи, — кивком показал на труп майор.

Степан кивнул. Да, надо было бы накрыть труп, пока его не замело. Как и следы вокруг него.

Кокошин был в джинсовой куртке с меховым подкладом. Куртка нараспашку, свитер типа «Boys» заправлен в широкие джинсы-трубы. В одном месте свитер вылез из-за пояса, как раз в том месте, где обычно вешается кобура. Может, у Кокошина там был пистолет, вправленный за пояс, и парня убили из его же оружия? Но если так, то он явно не простой. Возможно, бандит из спортивной молодежи. Сейчас таких развелось как собак нерезаных. А сложения Кокошин атлетического, видно, что культуризм был для него не праздным понятием. И костяшки пальцев сбиты — то ли по стене голыми руками молотил, то ли бил кого-то...

Тело у человека только на слабый удар мягкое. Чем крепче бьешь, тем сильнее сопротивление. Потому и нужно тренировать кулаки. Скат себя не щадил. Он молотил грушу, наби-

тую песком, с диким ожесточением. На руках только бинты, а ноги и вовсе без защиты. Ногами он тоже умел — «маэ», «маваши», «хидза». Особенно хорошо удавались удары коленом, для ближнего боя самое то...

— Скат!.. — сквозь шум в ушах прорезался голос Литвака.

Скат остановился, нехотя повернулся к нему. Он терпеть не мог, когда его отрывали от дела. И если вдруг Литвак «подогнал ему порожняк», пусть пеняет на себя, сам вместо груши встанет.

— Че тебе?

— Кокошу завалили!

— В смысле, завалили?

— Ну, в смысле... завалили...

— Наглухо?

— Ага, наглухо! — ослабился Литвак.

— А чему ты радуешься? — рыкнул на него

Скат.

Он уже давно понял, что с пацанами по-хорошему нельзя. По-хорошему они не понимают. Короткая матерная фраза куда лучше, чем длинное нравоучение. И одергивать их нужно всегда, чтобы хорошее настроение не застаивалось в извилинах, не размягчало мозги.

— Да не радуюсь... Кокоша в морге, мамка его в шоке. Менты подъехали, трут с ней. Как бы она про нашу качалку не сказала...

— А если скажет, то что? — хмыкнул Скат.

- Ну, подумают, что это мы...
- Кто мы?.. Ты его завалил?
- Я?!.. Нет!!!.. Мы же с ним кореша!
- Когда его завалили?
- Ну, сегодня... Утром... Я точно не знаю когда...
- Где?
- Без понятия, у мамки его нужно спросить...
- Хорошо.

Скат задумался. Его банда за последние полгода сделала большой рывок: из уличной кодлы превратилась в реальную боевую бригаду. Как у люберецких, солнцевских, долгопрудненских. Только те центр бомбят, а он взял под себя битовскую барахолку. Там какой-то Сафрон корни попытался пустить, но Скат жестко наехал на его шарагу. Он ничуть не сомневался в своей победе. И пацаны у него крутые, и стволы были. Сафрон чуть в штаны не навалил, когда увидел направленную на него пушку... Да и вообще, кто он такой, этот Сафрон? За бакланку год отмотал, думает, что царь зверей. Хрена ему!.. А Литвак отсидел два года, и по благородной статье. И понятия он знает... А Сафрон — беспредельщик... Так может, он потому и завалил Кокошу?..

— Эй, чего стоишь? — Скат удивленно взглянул на Литвака.

— А что такое? — растерянно захлопал тот глазами.

— К мамке давай! Все там узнай!

— А менты?

— Если боишься ментов, бойся их в другом месте!

— Понял!

Литвак рванул к выходу, но Скат его осадил:

— Эй!.. У Кокоши «пушка» была!

Они с таким трудом нашли людей, которые подогнали им партию из десяти «тэтэх». А как они рисковали, когда брали товар. Ну, и деньги. Под это дело пришлось выставить хату одного цеховика. Вломились в дом ночью, наехали на хозяина, взяли в раскрут его жену и дочь. Весело было... У них на счету каждый ствол, а тут вдруг такая потеря... А еще у ментов могут возникнуть нехорошие вопросы.

— Ну да, была.

— Пробей, где железо. У ментов или он дома где-то заныкал.

— Угу!

Литвак ушел, а Скат озадаченно почесал затылок. Он вдруг понял, что пистолет ему дороже друга. Лишь бы только пацаны об этом не узнали.

За три года в шкуре опера Степан Круча повидал немало трупов. На первом выезде по «мокрому» эпизоду его стошнило. Глянул в обезображенное лицо покойника и не сдержался — дал волю желудочным овам.

Но еще хуже быть посланником смерти, ее рукой стучать в чужую дверь. Сколько раз так было, и сегодня пришлось... Сначала мать Кокошина впала в ступор, затем взвыла белугой. А потом подняла Степана на смех. Ну не мог ее мальчик погибнуть, это какой-то розыгрыш. Но в морге все встало на свои места. Да, на «разделочном» столе лежал ее сын. Степан и хотел бы выйти, чтобы не смотреть, как женщина бьется в истерике, но не мог. С Ольгой Давыдовной случился обморок, нужно было приводить ее в чувство.

Он отвез женщину домой, остался с ней. И еще долго отпаивал ее валерьянкой, прежде чем та смогла хоть что-то сказать.

— Говорила я ему, не связывайся с этим уголовником... — протяжно вздохнула она.

— С каким уголовником?

— Юра Скатов... Из соседнего двора... Он когда-то Леше проходу не давал, цеплялся к нему... бил... А потом его посадили. За грабеж...

— Восемьдесят девятый год, — вспомнил Степан.

Скатова он брал своими руками. Сам вышел на него, сам взял. А суд впаял ему два года. Прокурор требовал шесть лет, но адвокат представил суду положительные характеристики. Комсомолец, доброволец, почетный тимуровец, все такое. Судья поверил, а разубедить его не удалось.

«Комсомолец» этот уже на свободе, сколотил банду из таких же «добровольцев» и уже успел «засветиться» на битовской барахолке. Заявление от кооператора поступило, деньги у него вымогали. Правда, через день заявление отправилось в обратный путь. Степан догадывался почему. Ох, непростой фрукт этот Скот. И если Кокошин был связан с ним, у него мог быть пистолет.

— Да, где-то так... Леша с ребятами спортзал в подвале открыли, мышцы наращивали, «шварценеггерами» хотели быть, — тихонько всхлипывая, проговорила Ольга Давыдовна. — А Скотов освободился, начал заниматься вместе с ним... А потом вообще стал главным... Леша постоянно пропадал по ночам... Домой выпившим приходил... Я говорю: ты же здоровый образ жизни ведешь. А он — здоровый образ для того и нужен, чтобы хорошо пить. В ресторанах пить, с девочками. Они в Москву ездили, там гуляли... Вот откуда у них деньги?

— Это вы у меня спрашиваете?

Степан обвел взглядом комнату. Гарнитурная стенка из тех, приобрести которые можно было исключительно по благу, хрусталь, богатые ковры. А в гараже была машина, не первой молодости «семерка». Была, пока ее не угнал убийца. Может, бросили ее где-то. Розыск, разумеется, идет.

Сторож видел красную «семерку». Степан лично разговаривал с ним, хотел выяснить все подробности, но, увы, сторож толком ничего не знал. Сидел в сторожке, пил чай, услышал выстрел, вышел, увидел машину, которая направлялась в сторону города. Все, больше ничего. Сколько персонажей участвовало в трагической сцене, как все происходило — никакой информации. Можно было только делать некоторые предположения. Если сторож слышал выстрел, то скорее всего стреляли не в машине. И еще на месте преступления, кроме трупa, никто не остался. Сторож бы увидел...

— Да нет... Я же догадывалась, что там не все чисто...

— Ваш сын связался с нехорошей компанией? — спросил Степан, чтобы вернуть разговор к нужной теме.

— С очень нехорошей компанией. А Леша нужен был им из-за машины. Он их всех там возил-развозил...

Степан едва заметно качнул головой. Вряд ли Кокошин был простым извозчиком, раз ему доверили оружие. Если он открывал спортзал в подвале, значит, он был на центральных ролях.

— У вашего сына был пистолет?

— Пистолет?! — встрепелась женщина. — Ну что вы такое говорите! А у него был пистолет?.. Я же знала... Знала, что добром все это не кончится!

— Вы подозреваете Скатова?

— Ну, эти пьянки, гулянки... Откуда вся эта гадость?

— Вы говорите, что Скатов когда-то обижал Алексея.

— Ну, когда это было... Сейчас они друзья... Как бы друзья... Да и нет больше Леши! — всплеснула руками Ольга Давыдовна и заплакала, закрыв ладонями лицо.

Степан поднялся с дивана.

— Вы уходите? — спросила она, не поднимая головы.

— Ну, если я вам мешаю...

Ему и самому хотелось закончить разговор, перенести его на завтра. Но в то же время он понимал, что уже сегодня может получить ключ к раскрытию преступления. Мать конкретно что-то знала...

— Нет-нет... Мне с вами спокойней... Как я буду здесь одна?.. — Она снова разрыдалась.

— Я на лестницу.

— Да курите на кухне, уже все равно.

— Я сейчас.

Степану нужна была передышка, и лестничная площадка воспринималась как глоток свежего воздуха. Он обулся, надел куртку, открыл дверь и... увидел здорового парня с акульими глазами и широким как у лягушки ртом. Плечи не расправлены, но руки слегка разведены в стороны. И это, судя по всему, бы-